

УДК-32(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-1-74-83

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ

И. Б. Фан

Фан Ирина Борисовна, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела философии,

Институт философии и права УрО РАН, Россия, Екатеринбург.

E-mail: Irina-fan@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-1816-9245. ResearcherID: K-2425-2018).

Аннотация

Цель статьи – рассмотрение идеологического содержания понятия «гражданственность», употребляемого в публичном дискурсе современной России. Основной метод исследования – качественный анализ содержания официальных документов и публикаций, направленный на выявление основных значений этого понятия. Логика статьи подчинена решению задач анализа гражданственности как идеологического конструкта и риторической стратегии, обоснования тесной исторической и актуальной связи идеологии и гражданственности, исследования взаимной детерминации функций этих феноменов. Рассмотрен ряд источников, в которых воплощается государственная модель гражданственности в России. Раскрыты ее основные характеристики: сходство и отличие от имперской и советской моделей гражданственности, ориентация на мораль и образцы поведения представителей военной государственной службы, соответствие консервативному повороту в государственной идеологии и символической политике. Автор выдвигает и обосновывает тезис об исторической динамике моделей гражданственности, их зависимости от фазы эволюции каждой конкретной идеологии. Анализируется взаимосвязь гражданственности и политической морали. Автором показано, что модель гражданственности является ценностным регулятором политического поведения населения. Сделаны выводы о том, что постсоветская модель гражданственности является идеологическим механизмом наложения обязанностей и ответственности на индивида, формирования у него мобилизующей установки на военную или гражданскую службу государству, то есть правящей корпорации. Такая модель гражданственности не может быть эффективной для развития социального и человеческого капитала и политической модернизации российского общества, поскольку консервирует архаические политические практики.

Ключевые слова: гражданственность; патриотизм; политическая культура; идеология; консерватизм; либерализм; социализм; политическая мораль.

«Гражданственность» относится к ряду часто употребляемых в публичном российском дискурсе понятий. В число таковых попадает и понятие патриотизма, недаром эти два слова в официальной риторике, как правило, идут в одной связке, а их значения оказываются взаимозаменяемыми. Однако уже показано, что существуют не только различные подходы к определению патриотизма, но и политическая борьба за его идентификацию со стороны разных политических субъектов (Мартынов и Габберкорн, 2019; Мартынов и др., 2020). С понятием гражданственности похожая ситуация. Огромное множество публикаций по данной тематике сводится к трем основным видам дискурса: публичному (идеологическому), педагогическому (дидактическому, тесно связанному с государственной идеологией, наиболее распространенному и ориентированному на учебные учреждения, особенно на военные) и научному. В англо-американском научном дискурсе с позиций ряда теоретических подходов исследуется понятие политической культуры – более сложное по структуре понятие политической науки, чем «гражданственность» (Alexander, 2000; Almond & Verba, 1989; Geertz, 1993; Laitin, 1998; Rosenbaum, 1975; Welch, 1993; Малинова, 2006b). В российском научном дискурсе имеет место анализ соотношения понятий политической культуры, гражданственности, патриотизма, гражданской идентичности и ответственности, приводятся определения гражданственности (Малинова, 2006а; Патрушев, 2012; Патрушев и др., 2020; Фан, 2006; Фан, 2013; Фан, 2018), рассматриваются структура и исторические типы гражданственности в России (Дегтерев и Ларионова, 2017; Карпова, 2006). Соотношение понятий «политическая культура» и «гражданственность» – проблема и предмет отдель-

ного исследования. В отечественной политической науке понятие политической культуры активно разрабатывалось с 1980-х по 2010-е годы, но в последнее время многие политические понятия не смогли избежать влияния официального дискурса и идеологизации. Поэтому возможны разные варианты исследования этих понятий: сравнительный анализ или рассмотрение их по отдельности. В данной статье мы сосредоточимся на анализе примеров публичного дискурса, в которых акцентируются риторические, моральные и идеологические аспекты понятия гражданственности. Именно они, как мы предполагаем, составляют проблему для понимания инвариантных характеристик данного понятия, его сущности, в значительной степени скрытой от общественного внимания за декларациями о высоких ценностях.

Гражданственность как идеологический конструкт

Эмпирическую базу данного исследования составляют не только выступления Президента РФ, определяющие содержательную доминанту публичного дискурса и тенденцию мобилизации патриотизма и гражданственности¹. Данный государственный заказ реализуется по всей вертикали власти в виде планов и отчетов о мероприятиях патриотической направленности в разных культурных и образовательных учреждениях страны (СМИ, музеях, школах, вузах и т.д.). Увеличилось количество научно-практических конференций и публикаций по теме гражданственности (более 30 тыс. статей представлено только в eLibrary). Заметен и рост количества фильмов, посвященных Великой Отечественной войне, в которых просматривается «гротескный патриотизм», апология величия России и стремление пересмотреть критический взгляд 1990-х годов на историю страны. Все это представляется целенаправленной символической политикой российского государства.

Так, в реализации «Программы патриотического воспитания граждан на 2016–2020 годы» задействованы более двадцати министерств, ведомств, агентств и общественно-государственных организаций. Программа разработана «с учетом важности обеспечения российской гражданской идентичности... воспитания, направленного на формирование патриотического сознания в сложных условиях экономического и геополитического соперничества»; она определяет патриотическое воспитание как «систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины»². Формы патриотического воспитания самые разные: оборонно-спортивные лагеря, центры военно-патриотического воспитания и подготовки граждан (молодежи) к военной службе (в 78 субъектах РФ), казачьи классы, кадетские учреждения и т.п. Эта Программа соответствует «Военной доктрине РФ на период до 2020 г.», «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г.» и ряду других официальных документов. Основной акцент в Программе сделан на военно-патриотическое воспитание, однако определено и второе направление работы – гражданско-патриотическое воспитание, формой реализации которого является волонтерство. Однако при внимательном рассмотрении законопроекта «О волонтерстве в РФ» и государственной системы добровольчества («волонтерства») оказывается, что назначение сегодняшнего волонтера в РФ во многом повторяет «миссию» советского добровольца. Самоорганизованное гражданское общество, включая НКО, в последние годы вытесняется общественными структурами, созданными государством или контролируемые им. В таких структурах волонтер обязан строго подчиняться указаниям органов государственной власти, фактически он является бесплатной трудовой единицей. «Главной целью волонтерства является экономия государственного бюджета» (Хворостьянова, 2017: 144).

В Программе обозначены важные ценности. Однако об опыте осмысления советской истории, где существовали аналогичные программы по формированию патриотизма и гражданственности у молодежи, свидетельствует следующее. Для того периода был характерен разрыв между декларациями и неадекватными практиками их реализации, за красивыми лозунгами зачастую прятались скрытые цели работы с массами, формы казенного воспитания духовности и нравственности отличались

¹ Путин, В. В. (2007) Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля, *Официальный сайт Президента РФ* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>; Путин, В. В. (2014) Обращение Президента Российской Федерации, 18 марта, *Официальный сайт Президента РФ* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603>; ТАСС, информационное агентство: «20 вопросов Владимиру Путину» [Электронный ресурс]. URL: <https://putin.tass.ru/>.

² О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016-2020 годы»: Постановление Правительства РФ № 1493 от 30 дек. 2015 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71196398/>.

низкой эффективностью. Много написано о двоемыслии, лицемерии и формализме партократии и номенклатуры того времени, которые заботились не о реальном достижении высоких целей («движение к коммунизму», «всестороннее развитие личности» и т.п.), но о необходимости соответствия любого общественного высказывания догмам и риторическим клише советской идеологии. Постсоветская модель гражданственности как часть доминирующего политического дискурса столь же оторвана от реальности, декларативность утверждаемых ценностей противоречит реальным политическим практикам.

В мае 2020 г. Президент РФ внес законопроект о поправках в закон «Об образовании», в которых говорится о необходимости усиления патриотического воспитания. Цель последнего – «формирование чувства патриотизма и гражданственности, уважения памяти защитников Отечества и подвигов героев Отечества, к закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению» (Воронцов и Васильева, 2020). Но главное в поправках – требования к организации патриотического воспитания: усиление государственного контроля над исполнением образовательными учреждениями календарного плана мероприятий по патриотическому воспитанию.

При осмыслении государственной политики памяти и, в частности, того, почему с таким размахом стал праздноваться День Победы 9 мая, и почему миф о Великой Отечественной войне был превращен в миф о происхождении постсоветской России, приоткрывается «тайна» идеологии. По мнению Н. Копосова, «миф о войне в концентрированном виде выражает историческую концепцию нового режима. Он подчеркивает единство государства и народа, а не насилие государства над народом... доказывает необходимость сильной власти вооруженных сил и спецслужб» (Копосов, 2011: 164). Здесь еще уместно будет вспомнить о том, что ветеранов спецслужб приравнивали к ветеранам – фронтовикам Великой Отечественной войны. Так становится очевидным ряд отождествлений, в том числе Победы в войне и победы корпорации номенклатуры и силовиков в политической борьбе за власть в постсоветской России. Л.Г. Фишман считает, что в этом празднике и мифе о Великой Отечественной войне воплощается «потребность правящего класса в настоящей победе как символе национального согласия и выбора всем народом некоего пути, то есть признанного идеологического доминирования» (Россия в поисках..., 2016: 324). На наш взгляд, в модели постсоветской гражданственности, ориентированной на военного победителя, воплощается скрытое ядро идеологии – оправдание прихода и удержания власти корпорацией силовиков. Безусловно, это интенции данной модели гражданственности, желаемое, идеал, в котором воспроизводятся скорректированные под актуальные задачи образцы, нормы, стереотипы, традиции бытования советской модели гражданственности. Фактически власти стремятся использовать испытанные в имперском и советском прошлом идеологические и риторические стратегии и формы принуждения населения к добровольному несению обязанностей либо военной, либо гражданской службы государству.

Гражданственность как риторическая стратегия власти

В каждой политической системе раннего и позднего модерна существует свой набор идеологий соответственно наличию или отсутствию многопартийности и политической конкуренции. Доминирование одной политической партии в политической системе означает и господство одной идеологии в публичной сфере и культуре. В каждой идеологии конструируется собственная модель гражданина и гражданственности. Соответственно видам идеологии возможны социал-демократическая, либеральная, консервативная, коммунитаристская модели гражданственности, а также национал-социалистическая, национал-большевистская и др. На содержание каждой модели гражданственности, влияет статус той или иной идеологии в данной политической системе – доминирующая, второстепенная, оппозиционная, маргинальная. Идеологический плюрализм позволяет сосуществовать разным моделям гражданственности, предоставляя индивидам возможность выбора. Монополия одной идеологии в публичном дискурсе детерминирует эксклюзивный статус одной модели гражданина и гражданственности.

В концепции идеологии К. Мангейма рассматриваются противоположно направленные социальные функции утопии и идеологии (Мангейм, 1994). Его последователи развивали идеи об исторической эволюции каждой идеологии от ее утопического, революционного варианта, сосредоточенного на критике наличного политического порядка, к консервирующему, контрреволюционному, легитимирующему властные позиции социального слоя, являющегося социальной базой данной идеологии. В эволюции гражданственности так же можно выделить восходящую и нисходящую фазы.

Понятие гражданственности в отечественном публичном дискурсе претерпело специфическую историческую эволюцию, в силу которой его основное значение напрямую связано с идеологией. Ставя «язык гражданственности» в контекст внеязыковой реальности с позиций исторического анализа, К.Д. Бугров считает, что данный язык с XVIII в. до XVIII съезда КПСС являлся одной из риторических стратегий власти и способом осмысления социальной структуры российского и советского общества как структуры неравенства (Бугров, 2016). «Язык гражданственности», сложившийся в среде российских элит в XVIII в. под западноевропейским влиянием, использовался для описания крепостного права («рабства»), для оправдания сложившихся отношений господства и подчинения между помещиками («свободными») и крестьянами («рабами»). В рамках этой риторики считалось, что дворяне, которым пожаловали свободу, стали добровольно и сознательно стремиться к государственной службе, отождествляемой с «общим благом», а значит, обрели «социальную зрелость» и черты «истинного гражданина», то есть гражданственность. «Ревностная» государственная служба рассматривалась в качестве основной гражданской доблести. Крестьяне же как «социально незрелые» и обладающие низкой сознательностью в службе государству, подобны рабам; «доброму помещику» и государству приходится принуждать их к службе «общему благу» с помощью крепостного права. Риторика гражданственности оказалась инструментом консервации крепостного права и идеологической легитимации социального неравенства в XVIII в., а в XX в. – средством радикальной борьбы большевиков с неравенством, которая «в целях коллективизации и индустриализации» нанесла удар по крестьянству, но не уничтожила неравенства между партийной номенклатурой и населением.

Лингвистический анализ употребления слова гражданин в официальном («Регламент» Петра I и «Грамота городам» Екатерины II) и публицистическом дискурсе XVIII в. согласуется с историческими исследованиями и свидетельствует о следующем: «Расподобление слов горожанин и гражданин, закрепление социально-политического значения за церковнославянской формой – это история формирования ключевого смысла русского концепта гражданин: доминирование идеологического и риторического, а не прагматического содержания термина (следствием чего стали синонимические отношения в паре гражданин – подданный)» (Дуринова, 2015: 34). Эта смысловая доминанта сохранилась до настоящего времени.

Гражданственность и политическая мораль

В понятии гражданственности просматриваются также элементы определенной политической морали. В контексте параллельного существования этики принципов и этики добродетелей в современной России (Мартьянов и Фишман, 2016) можно выявить и две версии постсоветской модели гражданственности. Представляется, что в публичном пространстве России в настоящее время доминирует дискурс добродетелей, а дискурс универсальных принципов морали и нравственности отнесен на периферию общественного внимания, а зачастую объявляется присущим «тлетворному влиянию Запада». Господствующая модель гражданственности и патриотизма конструируется и транслируется массам через перечень добродетелей или идеальных качеств настоящего гражданина, а также характеристик гражданственности группы и общности, к которым он принадлежит. Все это черты, одновременно требуемые (через государственный заказ, государственные стандарты образования и профессиональной подготовки и т.п.), формируемые (всеми каналами государственной социализации и, в первую очередь, масс-медиа) и ожидаемые государством (элитой).

С одной стороны, содержание доминирующей модели гражданственности ситуативно, поскольку производно от меняющихся акцентов в идеологии правящей партии, зависит от изменения политической конъюнктуры и необходимости перехватить у оппонентов из оппозиции некоторые идеи и проекты. С другой стороны, в содержании модели гражданственности, доминирующей в России начала XXI в., есть устойчивые черты, роднящие ее с советской моделью гражданственности – обязанности, долг и ответственность гражданина перед государством, ориентации на коллективистские нормы морали, образцы поведения и роли. Несмотря на лозунги о всестороннем развитии личности, система социализации и идеологизации общественных отношений в целом препятствовали развитию инициативы, моральной и нравственной автономии советского человека. Нечто подобное воспроизводится и в нынешней модели гражданственности, выступающей в качестве элемента государственной идеологии.

Любая модель гражданственности подразумевает связь конкретной идеологии и политической морали. Содержание модели гражданственности, предполагаемой либеральной идеологией, связано с универсальными ценностями и этикой принципов. Идеологический дискурс в современной России отвергает и либерализм, и общечеловеческую мораль, носителем которой может выступать

любой индивид. Содержание доминирующей в России в настоящее время модели гражданственности базируется на сословной морали или этике добродетелей. Это связано с особенностями социальной структуры в России, которая является фактически иерархией замкнутых корпораций (сословий). «Публичная политика превращается в механизм перераспределения ресурсов между такими сословиями, объединенными по корпоративному признаку – госслужащие, правоохранители, военные, пенсионеры, бюджетники и пр. Относительно универсальная гражданская мораль, фундированная этикой принципов, вытесняется совокупностью сословно-корпоративных или профессиональных этик, каждая из которых становится кодексом чести только среди своих. Корпоративная иерархия общества, сословная идентичность и профессиональная среда начинают преобладать над более универсальными моральными требованиями, адресованными всем гражданам как членам политического сообщества» (Мартьянов и Фишман, 2016: 87). В сословиях-корпорациях как локальных образованиях, особенно в доминирующих корпорациях номенклатуры и силовиков, возрождается этика добродетели. Этика добродетели, ориентированная на копирование нормативных образцов, среди которых преимущественно представители военной государственной службы, правоохранительной и иных силовых структур, вытесняет этику универсальную, противоречащую корпоративным и частным интересам господствующих сословий.

В России вместо свободного рынка вновь утверждается государственное регулирование экономических и иных отношений, восстанавливается «раздаточная экономика», где доступ к ресурсам зависит от принадлежности к той или иной рентно-сословной группе. Новая сословность неожиданно эффективно адаптировалась к условиям периферийного капитализма. Привилегированные сословия наделяются исключительными правами и льготами, а массовые сословия вынуждены брать на себя риски, связанные с кризисами. Элиты монополизировали функцию распределения ресурсов, но никакие неолиберальные лозунги не способствуют легитимации данной элиты, поскольку население все больше осознает глубокий разрыв в уровне жизни элит и массы, а также уровень коррупции среди элиты и законы отрицательной селекции, действующие в системе формирования кадров правящей корпорации. Попытка государства этику добродетелей, ориентированную на локальные сообщества, распространить на все российское общество, сделать универсальной, закладывает базовое противоречие, коренящееся и в противоположности социально-экономических и политических интересов политической элиты и масс, в социальной поляризации. Стремление локальную политическую культуру и мораль силовиков навязать всему обществу закладывает конфликтный потенциал еще и в ценностно-символической сфере общества.

Существуют и иные модели гражданственности, в том числе, в рамках либеральной, демократической и социалистической идеологий, программы которых направлены на политическую и социально-экономическую модернизацию, на развитие социального и человеческого капитала в российском обществе. К сожалению, в настоящее время оппозиционная деятельность встречает массу препятствий не только со стороны органов государственной власти, но и со стороны подконтрольных им квазиобщественных структур. Гражданственность россиян не может и не должна ориентироваться исключительно на образцы, нормы и стереотипы корпорации «силовиков», ведь «Военный – это профессия, а не обязанность» (Кавказский, 2017). Для проявления гражданственности, в том числе и оппозиционной, существуют предусмотренные Конституцией 1993 г. нормы и основы.

Функции понятия «гражданственность» в государственной идеологии

Употребление понятий гражданственности и патриотизма в официальной риторике высших должностных лиц в наше время таково, что, несмотря на торжественный стиль и обращение к высоким ценностям и авторитетам, с этих понятий спадает завеса духовно-нравственного обоснования и романтического возвышения. Высвечивается истинное предназначение этих слов и обозначаемых ими феноменов: довольно циничные с моральной точки зрения мотивы власти, использующей данные конструкции в качестве функциональных механизмов идеологии.

Тезис о тесной связи идеологии и гражданственности подтверждается взаимной детерминацией функций и структурных компонентов этих феноменов. Реализация идеологической функции интеграции государства и общества требует от граждан чувства единства с государством. Такая функция идеологии (в ее консервативной фазе), как легитимация наличного политического режима, посредством многостороннего воздействия на политическую культуру (гражданственность) требует от общества и индивидов идентификации с государством и политическим лидером как символом единства общества, отождествляемым с государством и обществом. Когнитивная функция идеологии связана с ориентационной функцией гражданственности. Нормативная функция идеологии воплощается в гра-

жданственности посредством адаптации людей к политической среде путем усвоения стереотипов восприятия, мышления и поведения, формальных и неформальных норм, традиций и обычаев. Мобилизационная функция идеологии осуществляется через функцию предписания в гражданственности, посредством программирования политического поведения с помощью многообразных каналов социализации. Идеологический и иной контроль органов государственной власти над всеми учебными и воспитательными учреждениями обеспечивает нужную господствующему социальному слою направленность социализации как процесса формирования гражданственности.

Идеологии в восходящей стадии (в качестве утопий, или революционных идеологий) порождают модель гражданственности, которую сторонники этих идей принимают и следуют ей с энтузиазмом, искренне, безоглядно. Идеологии в нисходящей стадии, оправдывающие господство социального слоя, уже находящегося у власти, конструируют модель квазивсеобщей гражданственности, на практике ориентированную на воплощение интересов данного слоя и потому навязываемую с помощью всего арсенала средств государственного принуждения.

Модель гражданственности общества и гражданина является ценностным регулятором политического поведения населения. В случае монополии данной модели она выступает в качестве жесткого механизма государственного управления, элемента образовательной, воспитательной, символической и иной политики. В рамках открытых демократических систем этот механизм является более гибким, ориентированным на относительную правовую, политическую и моральную автономию личности, свободу выбора. Как правило, такой механизм предполагает разные способы согласования интересов разных групп населения с помощью соответствующих государственных и негосударственных институтов, побуждающим к нормативно приемлемому поведению. В рамках авторитарных или тоталитарных политических систем модель гражданственности направлена на «добровольное» подчинение личности, обладает принудительным характером, отсутствием свободы выбора и самостоятельности индивида. Она не столько побуждает, сколько принуждает население к службе государству и правящей элите, мобилизует граждан к действиям, направляемым и контролируемым политическим классом и бюрократией. Данная модель встраивается в систему механизмов управления. Она действует не посредством прямого физического насилия и не путем постоянного воспроизводства явной или скрытой угрозы применения насилия, как другие способы управления при авторитарных режимах, но воздействует на массы как риторическая стратегия, подкрепляемая морально-психологическим и информационным насилием, в том числе с помощью пропаганды. Данная модель гражданственности носит преимущественно военно-патриотический, милитаристский характер.

В таком виде гражданственность не подразумевает осознания баланса прав (свобод) и обязанностей личности и взаимных (договорных) отношений гражданина и государства. По замыслу идеологов-государственников, она должна формироваться у граждан в одностороннем порядке, независимо от тех достижений российского государства и общества, которые могли бы обеспечить реализацию конституционных прав гражданина, создать условия для свободной экономической и иной деятельности, обеспечить равный доступ граждан к ресурсам и власти и, тем самым, естественным образом вызвать у граждан «патриотизм, гражданственность» и «чувство сопричастности истории и культуре России» (В. Путин). Однако маловероятно, чтобы данный способ управления, представляющий воспроизводство черт имперской и советской моделей гражданственности, оказался продуктивным в изменившихся условиях. Насколько государственная модель гражданственности будет эффективной в долгосрочной перспективе, зависит от множества институциональных и культурных факторов. Возникает и вопрос о критериях такой эффективности, то есть о политических субъектах и их интересах.

Модель гражданственности как службы государству, а не развитию общества и личности, и как основа формирования «духовно-нравственного сознания» в религиозно-идеологическом духе, по сути, консервирует отсталость, недоразвитие человеческого и социального капитала. «...Духовность может служить источником социального капитала для определенной версии капитализма – капитализма периферийного, отсталого, подчиненного центру капиталистической миросистемы и потому вынужденного опираться на социальные практики и идеологии, консервирующие эту отсталость и подчиненность» (Россия в поисках..., 2016: 196). Служба государству, фактически являющаяся услужением правящему классу, требующим сознательности в услужливости – это навязываемые «духовные скрепы», среди которых консервативные идеи великодержавности, «России как особой цивилизации», «особого пути России», «особой духовности», «принуждения к миру», традициям, «традиционной семье». С одной стороны, эти конструкции напоминают ядро советской гражданственности как «коммунистической сознательности», но с другой – выявляется принципиальное различие этих

моделей: в советское время предполагалось служение «делу строительства коммунизма», сейчас это служба государству, которое принадлежит господствующему сословию.

С.А. Магарил выделяет следующие исторические версии российского патриотизма: 1) имперский, державно-святоотеческий патриотизм дореволюционного периода, с сильной военной и казенной компонентой; 2) советский военизированный патриотизм; 3) постсоветский патриотизм, представляющий противоречивую смесь досоветской державной, советской военизированной и новой гражданской демократической форм. Но традиционные версии патриотизма исчерпаны и неадекватны реалиям XXI в., нужна гражданская модель конституционного патриотизма (Магарил, 2016: 143, 150). По аналогии можно выделить и соответствующие исторические формы гражданственности. Есть и другие типологии. Анализируя историю постсоветской России, ряд авторов выделяет следующие модели гражданственности: транзитная – либеральная (1991–1996 гг.); гибридная, охранительная (1996–2011 гг.); консервативная, переходная к авторитарному политическому порядку (Гаврилюк, 2016: 103). Данную типологию моделей гражданственности можно принять как один из вариантов исследования динамики и трансформации постсоветской идеологии, а также ее производных.

* * *

Итак, постсоветская модель гражданственности выступает в качестве социокультурного механизма наложения обязанностей и ответственности на гражданина через влияние на формирование мотивационного ядра личности каждого в процессе социализации. Главной мотивирующей и мобилизующей установкой, по замыслу идеологов, должна стать установка на военную или гражданскую службу государству. Но поскольку государство приватизировано правящей военной и экономической элитой, постольку именно ей и должно служить население. Однако нынешние попытки восстановить имперскую и советскую версии гражданственности, сконструированные по образцам прошлого, обречены на провал. Постсоветские модели гражданственности изначально лишены оснований, которые присутствовали в советской версии в виде коммунистической идеологии. Политическая элита не нуждается в абсолютном воспроизводстве советского строя и идеологии. Однако копирование некоторых элементов советского политического порядка влечет за собой и воспроизводство его идеологического ядра. Отсюда искусственность сочетания несочетаемых элементов в новых идеологических конструкциях, в том числе гражданственности, в этом заключается важнейшее противоречие самой несущей конструкции данной модели. Повторить прошлое невозможно. Создавать будущее по образцу прошлого – это значит разрушать (фальсифицировать, подгонять под актуальные задачи) прошлое, обесценивать настоящее (как реальность, не соответствующую представлениям элиты), и будущее. Создание таких конструкций – попытка угнаться за субъектами глобальной экономики и политики с помощью патриархальных практик прошлых веков, поставить крепостное право на службу современному капитализму и государству. Односторонние требования государства к населению – обладать гражданственностью и быть патриотами, являются еще и механизмами перекладывания на население издержек неэффективного государственного управления и провалов во внешней и внутренней политике. Прибыль от эксплуатации любых ресурсов предназначается правящему классу, а издержки – социально-экономические и политические последствия необдуманных решений и действий – международные санкции, экономический кризис, инфляция, понижение уровня и качества жизни, физические потери и т.п. – населению.

В государственной идеологии последних лет фиксируется поворот к консерватизму. Но это особый консерватизм: «...настоящий русский консерватизм и есть советский социализм» (Россия в поисках..., 2016: 316). Однако социализм как ядро советской идеологии и фундамент советской гражданственности положить в основу нынешней модели гражданственности невозможно, поскольку социальный контекст принципиально иной. Стремление легитимировать нынешний политический режим, несмотря на использование новых политических и информационных технологий, не может привести к успеху. Данный политический режим не способен строить и создавать, он может лишь разрушать, продуцировать мифологемы и идеологемы, пытаться имитировать современные политические институты и практики. Но с помощью имитаций и технологий манипуляций массами при отсутствии новых идей и достижений невозможно управлять бесконечно. Несмотря на консервативный курс государства, будущее все же за теми идеологиями и моделями гражданственности, которые смогут ответить на уже формирующийся запрос общества на справедливость и правовое государство, содержат признание ценности прав и свобод человека и гражданина, а их реализация рассматривается в качестве цели и смысла государственной политики.

Финансовая поддержка

Исследование проводится в рамках проекта «Специфика конструирования гражданственности в 1920–2010-гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-411-660005.

Список литературы / References

- Бугров, К. Д. (2016) 'Бездна неравенства: «язык гражданственности» в России от XVIII века до XVIII съезда', *Новое литературное обозрение*, 5. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12182/ (дата обращения: 07.08.2020). [Bugrov, K. D. (2016) 'An Abyss of Inequality: "Language of civic consciousness" in Russia from the XVIII century to the XVIII Congress' [Bezdna neravenstva: «yazyk grazhdanstvennosti» v Rossii ot XVIII veka do XVIII s'ezda], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 5. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/141_nlo_5_2016/article/12182/ (In Russ.)].
- Воронов, А., Васильева, А. (2020) 'Закон об образовании правят в воспитательных целях', *Коммерсант*, 31 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4379291> (дата обращения: 10.08.2020). [Voronov, A., Vasil'eva, A. (2020) 'Education law is ruled for educational purposes' [Zakon ob obrazovanii pravyat v vospitatel'nykh tselyakh], *Kommersant*, 31 July. Available at: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4379291> (Accessed: 7 August 2020) (In Russ.)].
- Гаврилюк, В. В., Маленков, В. В. Гаврилюк, Т. В. (2016) 'Современные модели российской гражданственности', *Социс. Социологические исследования*, 11, сс. 97–106. [Gavrilyuk, V. V., Malenkov, V. V., Gavrilyuk, T. V. (2016) 'Modern models of Russian civic consciousness' [Sovremennye modeli rossiiskoi grazhdanstvennosti], *Sotsis. Sotsiologicheskie issledovaniya*, 11, pp. 97–106. (In Russ.)].
- Дегтерев, В. А., Ларионова, И. А. (2017) 'Гражданственность и ее компоненты', в: *Гражданская самореализация личности в современном социуме: материалы VI Международного форума*. Екатеринбург: Издательство УрГПУ, сс. 48–59. [Degterev, V. A., Larionova, I. A. (2017) 'Civic consciousness and its components' [Grazhdanstvennost' i ee komponenty], in: *Grazhdanskaya samorealizatsiya lichnosti v sovremennom sotsium: materialy VI Mezhdunarodnogo foruma*. Yekaterinburg: Izdatel'stvo UrGPU, pp. 48–59. (In Russ.)].
- Дуринова, Г. В. (2015) 'Слово и понятие гражданин в русском языке XVIII в. (К вопросу о лингвистической основе истории понятий)', *Вестник ПСТГУ, III: Филология*, 1 (41), сс. 18–38. [Durinova, G. V. (2015) 'The Word and concept of citizen in the Russian language of the XVIII century' [Slovo i ponyatie grazhdanin v russkom yazyke XVIII v.], *Vestnik PSTGU, III: Filologiya*, 1 (41), pp. 18–38. (In Russ.)].
- Кавказский, Н. (2017) 'Молодежное «Яблоко»: оппозиционная деятельность становится опасной', *Независимая газета*, 18 апр. URL: https://www.ng.ru/ng_politics/2017-04-18/11_6976_apple.html (дата обращения: 07.08.2020). [Kavkazsky, N. (2017) 'Youth Yabloko: opposition activity becomes dangerous' [Molodezhnoe "Yabloko": oppozitsionnaya deyatelnost' stanovitsya opasnoi], *Nezavisimaya gazeta*, 18 April. Available at: https://www.ng.ru/ng_politics/2017-04-18/11_6976_apple.html (Accessed: 10 August 2020) (In Russ.)].
- Карпова, Н. В. (2006) 'Политическая культура в процессе становления гражданского общества', *Вестник Московского университета, 18: Социология и политология*, 1, сс. 41–54. [Karpova, N. V. (2006) 'Political culture in the process of formation of civil society' [Politicheskaya kul'tura v protsesse stanovleniya grazhdanskogo obshchestva], *Vestnik Moskovskogo universiteta, 18: Sotsiologiya i politologiya*, 1, pp. 41–54. (In Russ.)].
- Копосов, Н. (2011) *Память строгого режима: история и политика в России*. Москва: Новое литературное обозрение. [Koposov, N. (2011) *The memory of a strict regime: history and politics in Russia* [Pamyat' strogogo rezhima: istoriya i politika v Rossii], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)].
- Магарил, С. А. (2016) 'Смыслы патриотизма – исторические трансформации', *Социс. Социологические исследования*, 1, сс. 142–151. [Magaril, S. A. (2016) 'The

- Meaning of patriotism-historical transformations' [Smysly patriotizma – istoricheskie transformatsii], *Sotsis. Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1, pp. 142–151. (In Russ.).
- Малинова, О. Ю. (2006а) 'Политическая культура в российском научном и публичном дискурсе', *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 106–128. [Malinova, O. Yu. (2006a) 'Political culture in Russian scientific and public discourse' [Politicheskaya kul'tura v rossiiskom nauchnom i publichnom diskurse], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, pp. 106–128. (In Russ.).]
- Малинова, О. Ю. (2006b) 'Политическая культура' в российском и англо-американском научном дискурсе', *Политическая наука*, 3, сс. 7–30. [Malinova, O. Yu. (2006b) 'Political culture' in Russian and Anglo-American scientific discourse' [Politicheskaya kul'tura v rossiiskom i anglo-amerikanskom nauchnom diskurse], *Politicheskaya nauka*, 3, pp. 7–30. (In Russ.).]
- Мангейм, К. (1994) *Диагноз нашего времени*. Москва: Юрист. [Mannheim, K. (1994) *The diagnosis of our time* [Diagnoz nashego vremeni], Moscow: Yurist. (In Russ.).]
- Мартынов, М., Габеркорн, А. (2019) 'Как нам измерить патриотизм? К вопросу о концептуализации понятия', *Вестник Пермского университета: Политология*, 13 (4), сс. 31–43, DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-31-43. [Martynov, M., Gaberkorn, A. (2019) 'How do we measure patriotism?' [Kak nam izmerit' patriotizm?], *Bulleten of Perm University, Political Science*, 13 (4), pp. 31–43, DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-31-43. (In Russ.).]
- Мартынов, М. Ю., Фадеева, Л. А., Габеркорн, А. И. (2020) 'Патриотизм как политический дискурс в современной России', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 109–121, DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08. [Martynov, M. Yu., Fadeeva, L. A., Gaberkorn, A. I. (2020) 'Patriotism as a political discourse in modern Russia' [Patriotizm kak politicheskii diskurs v sovremennoi Rossii], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2, pp. 109–121, DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08. (In Russ.).]
- Мартыянов, В. С., Фишман, Л. Г. (2016) 'Этика добродетели для новых сословий: трансформации политической морали в современной России', *Вопросы философии*, 10. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1501&Itemid=52 (дата обращения: 11.08.2020). [Martyanov, V. S., Fishman, L. G. (2016) 'Ethics of Virtue for New Estates: Transformation of Political Morality in Modern Russia' [Etika dobrodeteli dlya novykh soslovii], *Voprosy filosofii*, 10. Available at: URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1501&Itemid=52 (Accessed: 10 August 2020) (In Russ.).]
- Мартыянов, В. С. (ред.) (2016) *Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ*. Москва: Политическая энциклопедия. [Martianov, V. S. (ed.) (2016) *Russia in search of ideologies* [Rossiya v poiskakh ideologii], Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.).]
- Патрушев, С. В. (2012) 'Становление гражданской идентичности в России: из социума к практикам гражданственности', *Философские науки*, 11, сс. 57–67. [Patrushev, S. V. (2012) 'Formation of civil identity in Russia' [Stanovlenie grazhdanskoj identichnosti v Rossii], *Filosofskie nauki*, 11, pp. 57–67. (In Russ.).]
- Патрушев, С. В., Кучинов, А. М., Мирясова, О. А., Недяк, И. Л., Павлова, Т. В., Филиппова, Л. Е. (2020) 'Формирование гражданской ответственности в России', *Социологическая наука и социальная практика*, 8 (1), сс. 27–47, DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7093. [Patrushev, S. V., Kuchinov, A. M., Miryasova, O. A., Nedyak, I. L., Pavlova, T. V., Filippova, L. E. (2020) 'Formation of civil responsibility in Russia' [Formirovanie grazhdanskoj otvetstvennosti v Rossii], *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 8 (1), pp. 27–47, DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7093. (In Russ.).]
- Фан, И. Б. (2006) 'Гражданственность в отечественном политическом дискурсе, или к проблеме о том, есть ли демократический потенциал у «русской идеи»?', *Политэкс. Политическая экспертиза*, 2 (2), сс. 145–156. [Fan, I. B. (2006) 'Civic consciousness in the Russian political discourse' [Grazhdanstvennost' v otechestvennom politicheskom diskurse], *Politeks*,

- Politicheskaya ekspertiza*, 2 (2), pp. 145–156. (In Russ.)].
- Фан, И. Б. (2013) 'Дискурс патриотизма: от многообразия к монополии', *Дискурс-Пи*, 11–12, сс. 147–153. [Fan, I. B. (2013) 'The discourse of patriotism: from diversity to monopoly' [Diskurs patriotizma: ot mnogoobraziya k monopolii], *Diskurs-Pi*, 11–12, pp. 147–153. (In Russ.)].
- Фан, И. Б. (2018) *Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы*. Екатеринбург: Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, DOI: 10.17506/ipl.m.2018.fan.332. [Fan, I. B. (2018) *Political ontology of the Russian citizen* [Politicheskaya ontologiya rossiiskogo grazhdanina], Yekaterinburg: Ural'skii institut upravleniya – filial RANKhiGS, DOI: 10.17506/ipl.m.2018.fan.332. (In Russ.)].
- Хворостьянова, Н. И. (2017) 'Волонтерство в российском обществе и в российской социологии: взгляд из-за рубежа', *Социологический журнал*, 23 (2), сс. 136–152, DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5162. [Hvorostyanova, N. I. (2017) 'Volunteering in Russian society and in Russian sociology' [Volonterstvo v rossiiskom obshchestve i v rossiiskoi sotsiologii], *Sotsiologicheskii zhurnal*, 23 (2), pp. 136–152, DOI: 10.19181/socjour.2017.23.2.5162. (In Russ.)].
- Alexander, J. (2000) *Political culture in post-Communist Russia: Formlessness and recreation in a traumatic transition*. New York: St. Martin's press.
- Almond, G. and Verba, S. (1989) *The Civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*. London: Sage.
- Geertz, C. (1993) *The interpretation of cultures: selected essays*. London: Fontana Press.
- Laitin, D. (1998) 'Political culture and political preferences', *American political science review*. Washington, vol. 82, 3, pp. 589–593.
- Rosenbaum, W. (1975) *Political Culture*. New York: Praeger.
- Welch, S. (1993) *The concept of political culture*. London: Palgrave Macmillan UK. DOI: 10.1007/978-1-349-22793-8.

Статья поступила в редакцию: 31.08.2020

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 27.11.2020

Статья принята к печати: 30.01.2021

CIVIC CONSCIOUSNESS IN RUSSIAN PUBLIC DISCOURSE

I. B. Fan

I. B. Fan, Doctor of Political Science, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Russia, Ekaterinburg.
E-mail: Irina-fan@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-1816-9245. ResearcherID: K-2425-2018).

Abstract

The article examines the ideological content of the concept of "civic consciousness" used in the public discourse of modern Russia. The main research method is a qualitative analysis of official publications aimed at identifying the main meanings of this concept. The article is dedicated to the analysis of civic consciousness as an ideological construct and a rhetorical strategy, substantiating the close historical and actual connection between ideology and civic consciousness, and considering the mutual determination of the functions of these phenomena. The main characteristics of sources that embody Russia's state model of civic consciousness are presented. The author shows the importance of historical dynamics of models of civic consciousness, their dependence on the phase of the evolution of each particular ideology. The author reveals that the model of civic consciousness is a value regulator of the political behavior of the population. The article concludes that the post-Soviet model of civic consciousness is an ideological mechanism for imposing duties and responsibilities on an individual, forming a mobilizing attitude to military or civil service to the state, that is, the ruling Corporation. This model cannot be effective for the development of social and human capital and political modernization of Russian society, since it preserves archaic political practices.

Keywords: civic consciousness; patriotism; political culture; ideology; conservatism; liberalism; socialism; political morality.